

СЕВЕР-ЗОНА

КОНАН И МЕЧ КОЛДУНА

Север-Зона

Annotation

В Стране, Откуда Нет Возврата правит королева — змея Лилит. Там и происходит последняя схватка Конана и Тот-Амона.

- [Лион Спрэг де Камп, Лин Картер](#)
 - [Тени каменного черепа](#)
 - [1. Смерть астролога](#)
 - [2. Полет драконов](#)
 - [3. Страна иллюзий](#)
 - [4. Золотистое вино](#)
 - [5. Дети Змея](#)
 - [6. Человек с лицом мертвеца](#)
 - [7. На краю света](#)
 - [8. Реквием по чародею](#)
 - [9. Мечи против теней](#)

Лион Спрэг де Камп, Лин Картер
Ветры Аквилонии — 4

Тени каменного черепа

1. Смерть астролога

Римуш, придворный предсказатель Зимбабве, бросил в тлеющие уголья сердце ибиса, запекшуюся бычью кровь и развоенное жало змеи. Комната стала наполняться зеленоватым дымом.

В тусклом свете угольев лицо аквилонского короля походило на бронзовую маску, Мбега же казался древним истуканом, вырезанным из эбенового дерева.

Стояла почти полная тишина, слышалось лишь шипение и потрескивание угольев да бормотание сухопарого шемского чародея. Римуш был одет в выцветшую мантию астролога, расшитую таинственными знаками. Его недвижное лицо с седой бородкой казалось мертвым, однако глаза его лихорадочно поблескивали и бегали из стороны в сторону.

Конан зашевелился. Магия и колдовство вызывали у него неприязнь. Вера его была проста, ибо суровый киммерийский бог Кром требовал от своих послушников только одного — бороться со злом и его слугами, полагаясь не на богов, но лишь на собственные силы.

— Пора кончать этот маскарад! — прорычал киммериец, обратившись к Мбеге. Дай мне своих воинов, и я найду Тот-Амона сам!

Огромный негр легко коснулся плеча Конана и кивком головы указал на старика-астролога. Тело предсказателя стало подергиваться, глаза его остекленели, уставившись в одну точку. От угольев повалили густые клубы зеленоватого дыма, сплетавшегося в прихотливые формы.

— Уже скоро, — прошептал Мбега.

Бессвязное бормотание сменилось внятным шепотом:

— На юг... На юг... Крылья в ночи... над огромным водопадом... теперь на восток, в страну, из которой не возвращаются... к горам великим... к Черепу Каменному...

Лицо прорицателя искривилось гримасой боли; на миг он замолк, но тут же заговорил вновь:

— Вы найдете его на краю света, в тех землях, которыми прежде правили змеи. — Астролог неожиданно дернулся и повалился на пол.

— Кром! — прошептал Конан, внутренне напрягшись. Мбега склонился над бездыханным стариком. Брови его нахмурились.

— Что случилось? — шепотом спросил Конан.

— Он мертв, — тихо ответил Мбега. — Его словно змея укусила.

Паллантид не желал и слушать своего господина, — впрочем, такое бывало с ним уже не раз. Отчаянно ругаясь, старый генерал поднялся со своего ложа. Левая его нога была перебинтована.

— Клянусь головой Нергала, мой господин, — я не отпущу вас в джунгли без взвода аквилонских солдат! Как вы можете доверять этим черным варварам? Они же вас живьем съедят, едва провиант закончится! Если уж я не смогу идти, то ехать-то верхом я в состоянии!

Положив свою тяжелую руку на плечо генералу, Конан силой усадил его обратно.

— Клянусь кровью Крома, дружище! Мне и самому все это не очень-то нравится, — проревел он. — Но что есть, то есть, и чему быть, того не миновать! Мои аквилонцы и так уже вымотались вконец. Каждый второй ранен, прочие же мучаются лихорадкой. Я же ждать не могу. Король Мбега пообещал дать мне взвод своих воинов. С ними я и отправлюсь. Если я потеряю время, Тот-Амон сбежит в свою Стигию, если не отправится еще дальше — В Вендию или Кхитай. Ты и сам знаешь о том, что у этого старого колдуна сил еще хватает.

— Но послушайте меня, мой господин, — эти черные варвары...

— Они прекрасные воины, Паллантид! Кому как не тебе знать это! раздраженно перебил своего генерала Конан. — Я жил среди них, я сражался против них и с ними, пока они не назвали меня «черным королем с белой кожей». Отважнее их нет никого. Мой старый товарищ Юма играючи справился бы с тремя нашими лучшими воинами! Ты вспомни хотя бы об амазонках!

Паллантид что-то буркнул себе под нос, понимая, что с королем спорить бесполезно. За две недели до этого к стенам древнего Зимбабве подошли послы королевы Нзинги, пришедшие сюда для того, чтобы выразить новому королю свое почтение. Возглавляла отряд амазонок их принцесса — двадцатилетняя дочь королевы Нзинги. Эта огромная смуглая дева была хороша собой и изящна словно пантера. Она была на полголовы выше самого высокого аквилонца.

Паллантид знал о том, что лет двадцать тому назад, в бытность свою пиратом, Конан побывал в стране амазонок и сподобился ласк черной королевы. Судя по всему, принцессу он считал своей дочерью (кстати говоря, ее, так же как и мать, звали Нзингой).

Услышав о планах Конана, собиравшегося достичнуть южной оконечности мира, юная Нзинга вонзила к его ногам свое копье и предложила себя ему в союзники. Конан тут же согласился.

Паллантид решил зайти с иной стороны.

— Мой господин, вы, похоже, забываете о том, что в этих краях никто не бывал. Может статься, что идти вам придется дольше, чем вы предполагаете. Даже сам Мбега понятия не имеет, где это.

Конан ухмыльнулся.

— Может быть, ты и прав, да вот только идти мы не собираемся! Мы полетим на драконах — я, Конн и воины Мбеги. Остальные же — я говорю об амазонках Нзинги и гвардейцах Мбеги, которыми будет командовать Тросеро, — отправятся вслед за нами пешком. Мы разведаем пути и найдем тот Каменный Череп, о котором говорил астролог; затем мы вернемся назад и уже вместе с войском нападем на эту последнюю твердыню мага — мы с воздуха, а войско — с земли! Паллантид стал нервно покусывать бороду.

— Но ведь вы не умеете управлять драконом! Конан вновь улыбнулся.

— Ничего, Паллантид, — я научусь. Мне доводилось ездить и на слонах, так что, думаю, и с драконом мне совладать удастся!

2. Полет драконов

Вскоре Конан смог убедиться в правоте слов Паллантида. Огромные птеродактили, выдрессированные черными воинами, оказались куда более норовистыми, чем он предполагал. Они были непослушны, злобны и вдобавок ко всему глупы. Едва завидев на земле что-нибудь живое, они тут же забывали о своем седоке и начинали преследовать жертву. Помимо прочего, драконы ужасно смердили.

Конан презрительно фыркнул, когда улыбающиеся негры стали привязывать его к седлу и крепить над его таловой бамбуковую раму, стянутую кожаными ремнями. Однако именно это и позволило ему остаться в живых, когда во время первого же полета, дракон неожиданно спикировал вниз, устремившись за газелью.

К седлам зимбабвийцы привязывали тяжелые дубинки, сделанные из тикового дерева, с помощью которых они и понуждали своевольными тварями, заставляя их слушаться своего хозяина. Колотить дракона приходилось так часто, что у Конана даже разнылась рука. Куда проще ходить по земле, думал киммериец, ни на минуту не выпускавший дубину из рук.

Впрочем, все эти неудобства сполна возмещались, — драконы передвигались с такой скоростью, что за ними не смогло бы угнаться ни одно существо. Пока черные воины прокладывали путь по непролазным джунглям, летающие всадники разведывали для них путь. Однажды они заметили на земле отряд черных воинов, явно поджидавших пеших соратников.

Конана. Стоило драконам атаковать их с воздуха, как они в ужасе бежали.

Через какое-то время джунгли сменились саваннами, и пеший отряд стал передвигаться куда быстрее. Однако даже теперь ему было далеко до драконов, что летали много быстрее самого лучшего скакуна. Конану доводилось слышать о том, что в этом краю лошади так и не смогли прижиться, — они тут же заболевали какой-то болезнью и быстро изыхали.

Каждый новый день начинался с того, что Конан улетал далеко вперед, разведывая пути для своего войска; затем же он возвращался к амazonкам Нзинги и воинам Мбеги, что казались ему черными муравьями, медленно ползущими по земле. Тросеро не мог угнаться за своими воинами, и

потому большую часть времени его несли на носилках дюжие зимбабвийцы.

Конан сгорал от нетерпения и то и дело разражался громкой бранью, глядя на то, как медленно ползет по земле цепочка людей. Впрочем, он прекрасно понимал, что за людьми этими не смогли бы угнаться и его доблестные аквилонцы.

Тиран Ненаунир был свергнут в ночь полнолуния. Конан отправился вслед за Тот-Амоном далеко не сразу, — луна к этому времени уже превратилась в узкий серебристый серп.

С той поры миновало уже два новолуния. Луна была в первой четверти, когда Конан увидел на западе цепи высоких гор, заслонявших собой горизонт.

Под ним земля была изрезана множеством оврагов и балок. Среди сухих трав кое-где стояли одинокие мертвые деревца, покрывавшиеся листвой лишь в сезон дождей. Равнина сменилась холмами. Судя по тому, что сказал погибший таинственной смертью Римуш, скоро они должны были достигнуть огромного водопада.

Сердце киммерийца радостно забилось, когда, наконец, он увидел перед собой обнятую туманом гору. Он подлетел поближе, и взору его предстал водопад. Бурная горная река падала с высоты лишь вдвое меньшей, чем та, на которой находился он сам.

Отряд Конана остался далеко позади, но он решил не возвращаться к нему, не осмотрев земель, лежавших к востоку, — именно о них говорил шемский астролог. Он должен был вернуться назад еще засветло.

Конан натянул поводья, и дракон послушно повернулся налево. Принц Конн и люди Мбеги летели вслед за ним.

Конан обернулся и посмотрел на сына. Лицо мальчика светилось радостью, на губах его играла лучезарная улыбка. Конан довольно ухмыльнулся.

Нет, он не зря взял его с собой. Сначала эта война в стигийской пустыне, затем переход через джунгли, застенки Зимбабве и, наконец, это путешествие на спинах крылатых драконов. Вряд ли всему этому его смогли бы научить книги и ученье наставники. Достойного преемника можно было воспитать только так.

Вскоре холмы сменились широкими плато, над которыми возвышались отстроверхие вершины. Видимо, это и была та Страна, Откуда Нет Возврата, о которой говорил старый Римуш. Конан решил перелететь через ближайшую горную цепь и найти перевал, который был бы доступен его пешим воинам, и только затем вернуться назад. Солнце уже клонилось к

горизонту; времени у них оставалось немного.

Слева от него зашумели крылья. Конан повернулся и увидел, что теперь Конн летит вровень с ним. Лицо мальчика горело от возбуждения, он указывал рукой на запад.

Конан перевел свой взгляд туда же и увидел вдали белоснежную гору, на одном из склонов которой было вырезано нечто, отдаленно напоминавшее человеческий череп.

Конану тут же стало не по себе, — варварская его душа страшилась подобных зрелищ, предпочитая им реальность самую что ни на есть обыденную. Это и был тот Каменный Череп, о котором говорил Римуш!

Конан, прищурившись, стал разглядывать это чудовищное изваяние. Земля перед ним была мертва и пустынна. Над черной пастью портала были вырезаны зубы. Еще выше пустыми глазницами чернели два огромных круглых проема. Выглядело это изваяние жутко.

И тут стало происходить что-то ужасное!

Тело Конана неожиданно обмякло. Чувства его притупились, г сердце сковало странною тяжестью. Казалось, что он вдруг попал в гибельное облако, напитанное смертельным ядом.

Та же странная сила овладела и его драконом, — слегка покачиваясь, он стал стремительно терять высоту, не в силах воспротивиться неведомой воле...

3. Страна иллюзий

Конан дернул поводья так, что едва не вывернул дракону челюсть. Тот ответил вялым движением крыльев, однако И этого было достаточно для того, чтобы падение сменилось достаточно плавным спуском.

Сонная рептилия шумно усилась на землю. Конан торопливо распустил ремни, пристегивавшие его к седлу, и, спрыгнув наземь, затряс головой, пытаясь разогнать невесть откуда взявшуюся сонливость. «Да, — подумал он. — Похоже, мы действительно попали в ядовитое облако».

Он задрал голову вверх. Со спутниками его происходило то же самое. Один за другим они стали быстро спускаться вниз. Первые летел дракон Конна. Мальчик брезвольно болтался в седле, лицо его заливалась смертельная бледность.

Теперь киммериец испугался уже не на шутку. Обливаясь холодным потом, он промычал что-то нечленораздельное и зачем-то погрозил кулаком небу.

И тут мальчик пришел в себя. Он приоткрыл глаза и удивленно посмотрел на стремительно приближающуюся землю. Изо всех сил он потянул за поводья, и задремавший было дракон проснулся и, развернув крылья, неловко, но достаточно мягко приземлился рядом со своим собратом.

Конан облегченно вздохнул. Подбежав к сыну, он помог расстегнуть ему ремни, вынул мальчика из седла и тут же заключил его в объятья.

Удача сопутствовала далеко не всем. Двум воинам Мбеги так и не суждено было проснуться, — драконы их словно камни рухнули на голую землю. К счастью, всем остальным все же удалось благополучно посадить своих крылатых ящеров.

Конану неожиданно стало казаться, что с ними происходит что-то донельзя странное. Конн, тоже чувствовавший себя не в своей тарелке, изумленно ахнул и стал протирать глаза.

Сверху равнина перед Каменным Черепом казалась совершенно мертвой. Теперь же они стояли средь пышных трав, доходивших им до колена. На лугу, пестревшем яркими цветами, безмятежно паслось стадо длиннорогих антилоп. Поодаль, там же, где и прежде, белела каменная громада. Однако теперь и камень этот казался другим, — на месте огромного черепа стоял великолепный белоснежный дворец. Тонкие пилястры поддерживали широкий архитрав, покрытый лепными

изображениями нимф, сатиров и многоголовых богов. Выступавший вперед тенистый портик заканчивался высоким порталом, ведущим во дворец.

Конана стали мучить сомнения, — он никак не мог понять, что же было иллюзией — каменный череп, который они видели сверху, или этот блестательный дворец, у стен которого они теперь стояли. Быть может, иллюзия эта тоже была вызвана гибельным газом?

За его спиной воины Мбеги один за другим покидали свои седла и спускались на землю.

Конан недоверчиво коснулся рукой травы и глубоко вздохнул. Воздух был наполнен ароматом цветов и запахом свежей травы.

Он вновь посмотрел на дворец. В лучах заходящего солнца беломраморный фасад порозовел. Каждая деталь была видна четко, то здесь, то там поблескивали кварцевые прожилки.

Он пожал плечами. Либо на них действительно влияют ядовитые испарения, порождающие все то, что они видят вокруг, либо видение их только сейчас прояснилось, и они смогли узреть то, что существует реально... Впрочем, ломать себе над этим голову можно было до бесконечности. Конан же привык разрешать все проблемы практически.

Едва он шагнул вперед, как позади раздалось: «Ангалиа!» Это кричал Мкава, командовавший черными гвардейцами. Воины взяли копья наизготовку.

От дворца к ним направлялось несколько женщин. Это были юные смуглые девы, в длинные косы которых были вплетены крохотные хрустальные колокольчики, источавшие нежнейшие звуны. Легкие накидки, сшитые из тончайшей ткани, не могли скрыть прелести их молодых упругих тел.

Мкава вопросительно посмотрел на Конана. Король нахмурился и пожал плечами.

— Наши бедные звери в себя еще не пришли, — наконец, сказал он. — Пусть они хоть немного отдохнут. Мы же тем временем попробуем узнать что-нибудь у этих дев, которых, я полагаю, бояться нечего. Половина людей пойдет вместе со мной, остальные же пусть охраняют наших драконов. Пошли кого-нибудь и назад, иначе, боюсь, наши люди нас потеряют.

Черный командир стал отдавать приказы. Конан, Конн и дюжина гвардейцев направились ко дворцу, стоявшему на склоне горы. Конан задумчиво крутил ус. Лицо его казалось совершенно безмятежным, однако, сомнения его так и не покидали. Кто знает, — быть может, все это — вражьи происки? Конан никогда не страдал излишней подозрительностью, но он не привык и к тому, чтобы мир менялся в мгновение ока.

4. Золотистое вино

Настал вечер. Вот уже третий день Конан и его спутники жили во дворце, который скорее был целым городком, вырубленным в скалах. Городок этот назывался Ян-Йога. Все это время королева Лилит готовилась к пиру, устраивавшемуся в честь почетных гостей. Пир должен был состояться этим вечером.

Празднество проходило в большой зале, стены и полы которой были выложены белыми мраморными плитами. Конана усадили на почетное место рядом с королевскими министрами и прочей придворной знатью. Сидевший на высоких, обшитых шелком подушках киммериец то и дело наполнял золотистым медовым вином свой кубок. Варвар чувствовал себя на удивление спокойно. Насытив себя изысканнейшими яствами, он услаждался холодным, слегка терпковатым вином, наполнявшим его сладкой истомой. В другом конце залы пировали его спутники.

Юный Конн в гордом одиночестве возлежал на мягких подушках, глядя на танцующих для него юных дев, чью наготу прикрывали лишь узкие полоски жемчужных ожерелий, надетых на чресла. Снисходительно улыбаясь, Конан наблюдал за сыном. Уже не за горами было то время, когда мальчик должен был стать мужчиной. Конан и сам был немногим старше его, когда он впервые познал женщину. Едва это произошло, от его киммерийского пуританства и следа не осталось. Именно тогда он и отправился в скитания...

Королева пещерного дворца Лилит сидела отдельно от всех. Ее трон стоял на помосте, вырезанном из оникса. За эти три дня Конан не единожды беседовал с нею, но, похоже, она действительно не знала о том, что дворец ее может походить на череп. Слова Конана нескованно рассмешили ее. Подобные иллюзии, говорила она, в ее стране не редкость, — они вызываются ядовитым газом, выходящим из-под земли вместе с паром гейзеров.

Объяснение это Конана вполне удовлетворило, хотя сомнения его так и не рассеялись.

Услышал он от Лилит и рассказ о том, как она и ее подданные оказались в этом месте. Несколько веков тому назад могущественный царь Вендии, снарядив караван купеческих судов, отправил его в Иранистан. Поднявшаяся внезапно буря отнесла корабли далеко на юг и выбросила их на берег неподалеку от того места, в котором они сейчас находились. На

берегу этом жило племя желтокожих людей. Векдийцам удалось покорить этот народец, и с той поры они распоряжалисьaborигенами как рабами. Купцы взяли в жены привезенных ими вендинских рабынь и решили остаться в этих землях навсегда. Именно они и их потомки вырезали в податливых известковых скалах прекрасную Ян-Йогу.

Конану дворец этот представлялся слишком уж роскошным, — пышности киммериец предпочитал строгость и простоту. Даже огромный тарантийский дворец, построенный его предшественником Нумедидом, казался ему слишком вычурным. Едва став королем, Конан приказал убрать из своих покоев все ковры и гобелены и застелить полы тростником, как это было принято в Киммерии.

Ян-Йога походила на дворцы, виденные им в молодости в восточных землях, в Аграпуре, где тогда царствовал Илдиз Туранский, в Шамбале, лежавшей за дикими гирканскими степями, в столице далекого Кхитая Кушане. Так же как и там, стены, двери и своды были покрыты затейливой резьбой. Конан вспомнил о том, как его пленили в таинственной ШамбALE, Городе Черепов. Он предался внезапно нахлынувшим на него воспоминаниям, ^то уносили его все дальше и дальше...

Киммериец задремал. Заметив, что отец стал клевать носом, Конн поднялся со своего ложа и беззвучно покинул залу.

Ни он, ни его отец не заметили высокого человека в зеленой мантии, что наблюдал за происходящим, стоя за колонной. Человек этот постарел так, что узнать его было почти невозможно, однако Конан тут же признал бы в нем своего заклятого врага Тот-Амона.

Кони был молод и горяч, кровь ударила ему в голову. Он не мог отвести глаз от одной из танцовщиц, что была немногим старше его. Мальчика чаровали и ее нежное тело, и ее грациозные движения, и ее глаза, полные неги...

Едва закончился танец, она отбежала к дальней стенке и, встав спиной к колонне, стала смотреть в его сторону. Заметив, что Конн не сводит с нее глаз, она томно облизнулась и погладила себя по чреслам.

Сердце Конна готово было выскочить из груди. Теперь или никогда, решил принц и, поднявшись со своего ложа, отправился вслед за юной девой.

Нельзя было сказать, что никогда прежде женщины не трогали его. Служанки принца то и дело пытались завладеть его вниманием и, надо сказать, им это обычно удавалось. Мальчик отвечал на их поцелуи, чувствуя, что от него хотят чего-то большего, он неуклюже пытался ласкать их, но они выскальзывали из его объятий и, смеясь, убегали... «Но должен

же я когда-то стать мужчиной!» думал Конн, пересекая залу.

Дева так и стояла у колонны. Руки его обвили ее нежную талию, но она вдруг засмеялась и отстранила его от себя.

— Не здесь, — зашептала она. — Ты забываешь о королеве...

— Но где же? — прошептал принц.

— Идем...

Взяв Конна за руку, дева вывела его из залы и повела по сумеречным коридорам, направляясь к дальним покоям дворца. Мальчик, забыв обо всем на свете, покорно шел за ней.

Один за другим пирующие покидали залу. Вскоре в ней остался лишь Конан, мирно дремавший на своем мягкому ложе. Белый мраморный пол был залит золотистым, вином, здесь же валялся выскользнувший из руки киммерийца огромный рог буйвола.

Зала наполнилась смуглыми слугами. Они бесшумно скользили по полу, подбирая оставленные черными воинами копья, топоры и дубины. Подойдя к спящему киммерийцу, они вынули из ножен его огромный меч и острый, как бритва, кинжал.

Королева Лилит, улыбаясь, наблюдала за своими слугами. Время от времени она отдавала им приказы, но говорила она теперь совсем на другом языке, походившем скорее не на человеческую речь, а на змеиное шипение.

Лилит спустилась с помоста и, легко ступая, подошла к мирно похрапывающему Конану. Она взяла у слуги острый аквилонский кинжал и, посмотрев на киммерийца, усмехнулась, лишний раз поразившись его доверчивости.

Взяв кинжал поудобнее, Лилит занесла руку для удара, метя Конану в сердце.

5. Дети Змея

В комнате стоял полумрак. Конн прикрыл дверь и стал осыпать горячими поцелуями шею и плечи красавицы. Дева легла на широкий диван, покрытый шелковым покрывалом, и рукой поманила его к себе.

Принц сбросил с себя перевязь и принялся расстегивать ремни своей кирасы. Латы его были отполированы до зеркального блеска. Они были малы ему и слегка давили в боках, но это было не удивительно, — королевские оружейники ковали их год назад, и за это время он уже успел подрасти. Это были его первые настоящие доспехи. Мальчик гордился ими и едва ли не ежедневно начищал их до блеска.

Нагая дева стала тихонько постанывать. Конн, наконец-таки, покончил с ремнями и снял кирасу с груди. Осторожно, боясь поцарапать или помять ее блестящую серебристую поверхность, он опустил ее на пол.

И тут на полированной поверхности своих доспехов он увидел отражение девы. Лишь теперь ему предстал ее подлинный облик.

Тело ее было человеческим, хотя оно и сильно отличалось от того прекрасного девичьего тела, которое представляло ему до этого. Голова же у этого тела была змеиной! Он ясно видел холодные змеиные глаза, щерящуюся пасть, усыпанную острыми как иглы зубами, и трепещущее раздвоенное жало.

Конн не раздумывал ни секунды. Одного взгляда на эти бездушные глаза было достаточно для того, чтобы в нем проснулся идущий от века инстинкт.

Мальчик прыгнул к кушетке, на которой лежала его перевязь, и выхватил из ножен стальной клинок. Побелевший от ужаса Конн вонзил его в змеиную грудь.

Из раны хлынула темная кровь, мальчик же все рубил и рубил бьющееся в агонии тело.

Змееголовую деву убить было не просто. Она стала метаться по дивану, пытаясь уйти от смертельных ударов. На человека она походила все меньше и меньше — теперь уже не теплая человеческая кожа, но хладная блестящая кожа змеи покрывала ее. Конн отвел глаза в сторону и нанес последний удар. Тяжело дыша, он бросил клинок на пол и, пошатываясь, подошел к стене. Ему стало тошнить.

Ему тут же стало легче. Сознание его прояснилось. Только теперь он понял, что же происходило с ними все это время. Зачаровав людей, девы-

змеи развели их по разным углам, чтобы покончить с ними. Стоило людям попасть в их объятья, как змеи впивались в них своими острыми, напитанными ядом зубами. Люди же умирали, так ничего и не поняв.

Быть может, лишь ему одному удалось спастись от их чар, что были не властны над отраженьями. Призраки могли скрывать реальность, лишь наложившись на нее обманчивым покровом, что не мог отразиться поверхностью зеркала.

От ужаса у него закружилась голова. В древних мифах о змеином племени было сказано немало. Богом аквилонцев был Светоносный Митра, сумевший сразить Древнего Змея Света. Однако реальность, подлежавшая этой легенде, представилась Конну куда более страшной.

Не мечом всесильного бога, но мечами обычных людей был повержен Змей Вечной Ночи. Они воевали с шипящими ордами Сета вот уже миллион лет. Появившись на Земле, люди тут же оказались во власти змей, но уже на заре истории первые герои стали поднимать свой народ на борьбу с адскими тварями. Долгой и трудной была эта борьба, страшной ценой доставались победы. И все же людям удалось победить.

Древние сказания говорили о том, что змеиное племя было вновь послано на землю всесильным Сетом, омрачившим сознание людей настолько, что те перестали отличать змей от себя. Остановить новый натиск Змея смог только великий Кулл, правивший древним Валузийским царством, — увидев, что змеи живут в городах рядом с людьми, смешиваются с ними и порождают себе подобных, он повел против них решительную борьбу, которая закончилась его победой.

С той поры прошло уже столько времени, что даже легенды о змеином народе стали забывать. И тут вдруг оказалось, что змеиное племя еще живо. Оно затаилось в высоких горах на самом краю света.

Мальчик часто замигал. Из всех людей Земли об этом знал только он.

6. Человек с лицом мертвеца

— Стой! — прогремело в зале. Кинжал застыл в паре дюймов от груди Конана. Королева Лилит обернулась и увидела перед собой сгорбленного старика, одетого в выцветшую зеленую мантию. Губы ее искривились злобой, обнажив белоснежные зубы и подрагивающий словно змеиное жало розовый язык.

— Кто здесь командует, стигиец? Ты или я? Тот-Амон не мигая смотрел в темные глаза королевы. Он стал стремительно стареть еще в Нептху, когда Конан уничтожил братство Черного Кольца. Тогда стигийцу едва удалось бежать, прибежищем он избрал Древний Зимбабве, которым правил последний его союзник боккор Ненаунир. Но недолгим был отдых Тот-Амона — киммериец, шедший за ним по пятам, уничтожил черного тирана, и ему, великому магу, вновь пришлось скрываться бегством. На земле Тот-Амон прожил уже не одну сотню лет, но лишь теперь годы стали брать свое, — каждое поражение все больше и больше отдаляло его от Великого Змея, лишая стигийца божественной поддержки. Тело его стало слабым и дряхлым, лицо посерело и покрылось густой сетью морщин. Взор его, однако, был исполнен прежней силы, да и голос не утратил своей мощи, что опиралась на незыблемую, твердую как камень волю стигийца.

Древние змеи, в логовице которых он теперь жил, были его последними союзниками. В течение нескольких веков он удерживал змей в Ян-Йоге, то подкупая, то околовывая их. Они, так же как и он, поклонялись Великому Сету, но он не хотел делить с ними власть над миром, — Землей должен был повелевать только он. Среди людей союзников у него уже не было, и потому ему оставалось одно — искать помощи у змей. Не сострадание и не дружеские чувства двигали ими, когда они позволили ему остаться в их дворце, — подобные чувства им были неведомы, — с его помощью змеи надеялись восстановить свою власть над миром людей.

Над слугами Сета Тот-Амон был уже не властен, но упускать из своих рук Конана Аквилонского он не хотел.

— Он мой, Лилит, — угрюмо произнес стигиец. — Распоряжаться жизнью киммерийца могу только я.

Женщина-змея косо посмотрела на него и прошипела:

— Тебя, стигийский шакал, я вижу насеквоздь. Ты хочешь принести в жертву Отцу Сету сильнейшего из слуг Митры, чтобы вновь расположить к

себе Великого Змея. Но и у меня есть виды на киммерийца...

Договорить она не смогла.

От сильнейшего удара в спину королева зашаталась. Из груди ее показался окровавленный бронзовый наконечник копья. Зашипев, Лилит рухнула на пол и забилась в предсмертной агонии. Подняв глаза, Тот-Амон увидел, что в зале появилось несколько огромных амazonок.

— Клянусь дубиной Мамаджамбо! — воскликнула принцесса Нзинга, пытаясь выдернуть свое копье из корчащегося тела. — Мы пришли сюда вовремя!

В залу вбежали седобородый Тросеро и его черные воины. Едва завидев генерала, Нзинга закричала:

— Это место заколдованное! Издали скала эта казалась черепом, стоящим посередь мертвого поля, когда же мы подошли поближе, то оказалось, что идем мы не по камням, а по зеленому лугу, и не каменный череп перед нами, а прекрасный дворец! Я как увидела, что эта тварь хочет убить белого короля, тут же ее и прикончила. Теперь же я стою и думаю, — может быть, все это тоже неправда? Может быть, нам все это только кажется? Тут еще и старик какой-то...

— Да это же сам Тот-Амон! — изумленно воскликнул Тросеро.

— Вот уж никогда бы не подумала, — удивленно пробормотала амazonка и перевела взгляд на извивавшееся у ее ног тело со змеиной головой. А это что еще за чертовщина?

— Змея, которая умеет говорить, — еле слышно ответил ей внезапно побледневший Тросеро.

Схватившись за рукоять меча, принцесса сделала шаг назад.

— Как у тебя только язык повернулся, старик! Ты хочешь сказать, что они существуют на самом деле?

— Посмотри на нее повнимательнее, — тихо ответил аквилонец. — Смотри! Она меняется прямо на глазах!

Амazonка перевела взгляд на пол, но тут же зажмурилась. Ничего более омерзительного она еще не видела.

И тут из-за колонн раздалось шипение. В залу вползали десятки змей. Теперь внимание аквилонского генерала и амazonки было приковано только к ним.

Бой обещал быть жестоким и долгим. Сразив очередную змею, генерал окинул взглядом залу и остолбенел. Ни Конана, ни Тот-Амона в зале не было, — они как сквозь землю провалились.

7. На краю света

Конан неожиданно проснулся. Он пробуждался легко, словно кошка, почувствовавшая приближение врага. Эту способность он унаследовал от предков, и выручала она его уже не единожды.

Он лежал совершенно недвижно, пытаясь понять, где же он находится. Воздух пах морем, где-то совсем рядом шумели волны.

Он слегка приоткрыл глаза. Небо было усыпано мириадами звезд. Ярко сияла луна, и в свете ее хорошо были видны темные скалы и бесконечная ширь неведомого края. Казалось, что он лежит на самом краю света и созерцает океан вечности...

Конан резко вскочил на ноги и стал озираться. На скале, возвышавшейся над ним, стоял человек. В свете луны мантия его казалась серой. К своей костлявой груди он прижал неведомый талисман, поблескивавший изумрудным светом.

— Мы снова встретились, киммерийский пес! — раздался голос Тот-Амона.

— Это наша последняя встреча, стигийский шакал! — проревел в ответ Конан.

Он не спешил нападать на стигийца, понимая, что голыми руками одолеть всесильного мага он не сможет. Конан был озадачен, — пока он спал, Тот-Амон мог убить его, но вместо этого маг почему-то приказал своим демонам перенести его на этот дикий берег.

Словно услышав его мысли, Тот-Амон тихо заговорил. Он говорил долго; голос его постепенно креп и в нем начинали звучать знакомые Конану властные нотки. Киммериец безмолвно внимал ему, сложив на груди Свои могучие руки.

— Богам было угодно, чтобы ты стал ловцом, а я твоей добычей. Ты охотился за мной по всему миру. Ты лишил меня союзников. Вместе с пьяным друидом ты уничтожил великое братство Черного Кольца. За год до этого ты смог повергнуть всесильную Белую Руку. В Зимбабве боги вновь были на твоей стороне. После этого идти мне было уже некуда.

Конан безмолвствовал. Маг вздохнул и продолжил:

— Здесь, на краю света, живут те, кто до прихода человека правили этим миром. Именно здесь находится последняя цитадель древнего змеиного племени. Появившись на Земле, люди тут же стали воевать со змеями и истребили бы их, если бы те не прибегли к магии, позволившей

змеям скрыть от людей свой истинный облик. Твой предок Кулл-Завоеватель проведал об этом, и тогда змеиный народ был истреблен окончательно. И все же некоторым змеям удалось уцелеть.

Я давно знал о том, что они скрываются именно здесь, на краю света. Я знал и о том, что они все еще хранят надежду отвоевать у людей то, что, как они считают, должно принадлежать им по праву. Именно они даровали мне знание, позволившее мне стать наместником Сета на Западе. Я должен был низвергнуть всех ваших богов и вернуть в мир истинную веру. Место Митры, Иштар и Асуры должен был занять Великий Сет. Произойди это, и я стал бы правителем всего этого мира, мои учителя змеи этому уже не смогли бы помешать.

Все шло как нельзя лучше, пока не появился ты. Я до сих пор не понимаю того, как тебе удалось сорвать мои планы. Ты не жрец, не пророк и не волшебник. Ты всего-навсего грубый невежественный варвар, каким-то чудом оказавшийся на самом гребне судьбы. Впрочем, возможно, твои западные боги и не столь примитивны... Я не знаю, что за сила стоит за тобой, но тебе удалось не только лишить меня власти над миром, но и обратить меня, величайшего мага Земли, в жалкого беглеца...

Но не все еще потеряно! Я принесу твою бессмертную душу в жертву Великому Сету. Ты не представляешь себе, сколь грандиозна эта жертва! Великий Змей тут же вспомнит о своем преданном слуге и вернет ему свое расположение! И тогда я соберу змеиное воинство и пойду войной на презренное царство людей!

Конан взревел и, в два прыжка достигнув вершины скалы, схватил мага за горло. Они упали вниз, на плотный влажный песок.

Странной и страшной была эта битва воина Света и воина Тьмы. В эту минуту на Краю Света решалась судьба мира.

8. Реквием по чародею

Бросок Конана застал стигийца врасплох. Тело его было старым и дряхлым, ответить силой на силу он уже не мог. Но у него было оружье совсем иного рода.

Едва пальцы киммерийца легли на его шею, маг легко коснулся лба Конана сверкающим камнем.

Лба киммерийца коснулось легкое прохладное дуновение, и тут же ледяная игла впилась ему в сердце. Он стал терять сознание, чувствуя, как кочнеет его тело. Холодные волны тьмы увлекали его за собой. Эти черные беспросветные воды поглотили его тело и теперь боролись с его душой, кружившей во мгле таинственным вихрем.

Однако Конан так и не разжал своих рук, сошедшихся на шее его заклятого врага в мертвой хватке. Душа стигийца тоже покинула тело и погрузилась во тьму. Но борьба продолжалась и здесь, пусть у противников уже и не было тел. Мир погрузился в серую дымку; где-то вверху кружили черные звезды, источавшие хладные флюиды.

Стигиец представлялся Конану туманным вихрем. Сам же он выглядел точно так же. У противников не было даже определенной формы и все же они как-то боролись друг с другом.

Здесь все решала некая неизъяснимая сила, которая лежала в самом основании человека и была его сутью, придававшей ему в проявленном мире ту или иную форму, делавшей его тем или иным.

Тот-Амон все наступал и наступал, разя хладом огненный вихрь киммерийца. Чем слабее становился Конан, тем сильнее становился он сам. Отчаянным усилием киммериец удерживал себя от полного разноплощенья, ни на миг не выпуская мага из своих бесплотных объятий, — они все кружили и кружили по серому миру.

Конан вдруг почувствовал, что вражий вихрь распадается. Тот-Амон беззвучно закричал. Крик этот был исполнен отчаяния и муки. Вихрь его бесследно растаял, смешавшись с холодной серой дымкой.

Конан скользил по серому миру, с каждой минутой становясь все сильнее и сильнее. Он знал, что жизненной силы Тот-Амона больше не существует.

Через какое-то время он пришел в себя.

Он лежал на песчаном берегу у самой кромки безымянного моря. Рядом сидел его сын. Мальчик горько плакал. Обеими руками Конан

скимал шею мертвого стигийца. Поодаль лежал меч, по рукоять испачканный черной кровью. Этот меч он подарил Конну в день его тринадцатилетия. Именно на нем Белый Друид Дивиатрикс начертал Охранный Знак Владыки Света Митры-Крест Жизни!

Так закончилась Последняя Битва. Сорок лет Конан Киммерийский и Тот-Амон Стигийский преследовали друг друга по миру. Дуэль их наконец была закончена.

— Он тебя убил, отец! Я ударил его и вдруг смотрю — ты лежишь тихо-тихо и даже не дышишь, как будто ты умер! — всхлипывая, говорил ему мальчик.

Конан обнял его.

— Ты не ошибся, мой мальчик, — я стоял перед самыми Вратами Смерти. Но не мне, а другому суждено было войти в них! Смотри!

Он кивнул на мертвое тело стигийца. Оно на глазах у них превращалось в прах. Вскоре от него остался лишь голый череп, однако через пару минут и он превратился в мельчайшую пыль. На песке осталась лишь выцветшая зеленая мантия.

Конан поднял с песка талисман мага и зашвырнул его далеко в море.

— Вот и все, — сказал он. — Теперь эту штуку вряд ли кто-нибудь найдет!

9. Мечи против теней

— И тут эта дева превратилась в змееголовое чудовище. Если бы не моя кираса, я бы с тобой уже не разговаривал, — рассказывал Конану сын. — Я зарубил ее и побежал в залу, чтобы рассказать об этом тебе. Ты спал, а над тобой стояли Тот-Амон и королева. В этот же миг в залу вбежали амazonки, и принцесса тут же пронзила Лилит копьем. Я же продолжал стоять за колонной. Тот-Амон подозвал к себе слугу и вместе с ним потащил тебя к стене. Ох и странный это был слуга! Голова у него была рогатая, а здоров он был словно бык! Самым странным было то, что никто, кроме меня, их не видел, — стигиец людей словно околодовал!

В стене была потайная дверь, за которой начинался подземный ход, ведущий к берегу моря. Я видел, что в залу стали вползать змеи, но решил, что амazonки и воины Тросеро справляются с ними и без меня, и поспешил вслед за магом. Я вышел на берег, но сразу найти тебя не смог, — ты ведь помнишь, — там кругом скалы. Потом я увидел, что ты и маг лежите на песке. Мне даже показалось, что вы заснули...

Конан то и дело кивал, понимая, что мальчику надо выговориться. Они возвращались в Ян-Йогу. Мальчик быстро нашел вход в подземелье. Из-под земли доносились шум и лязг оружия — сражение все еще продолжалось.

Конан заулыбался. После потусторонних битв в мире, где и звезды черны, звон клинков казался ему сладчайшей музыкой.

Где-то там Нзинга и Тросеро сражались со змеиным племенем. Воинов под их началом было немного, но зато это были настоящие воины! Змеи же, проведшие в этих землях не одну сотню лет, должны были уже позабыть ратное дело, к тому же они лишились и своих предводителей, — вряд ли кто-либо из них мог сравниться с королевой или Тот-Амоном. Бой предстоял трудный и упорный, в этом сомнений не было, но Конан был даже счастлив сразиться с этими старыми как мир врагами человека. «С главным своим врагом я покончил, — подумал вдруг Конан. — Боюсь, теперь мне будет его не хватать...»

— Слушай, — а где же твой меч? — спросил он у сына.

— Я оставил его там, на берегу.

— Дай мне свой кинжал и беги назад, — я тебя здесь подожду.

Конан стал шарить рукой по земле и нашупал округлый булыжник размером с человеческую голову. Он поднял его с земли и, оценив на вес, остался им доволен. Им он будет проламывать этой нечисти головы.

Конан знал, что змей убивать непросто, — они живучи на удивление. Но и они смертны.

Через несколько минут к нему подошел Конн. В руке его поблескивал меч. Отец и сын вошли в темный тоннель и поспешили на помощь своим друзьям, что вели последний бой с древнейшими врагами человека.